

В.В.Шелохаев,
доктор исторических наук,
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем

Особенности отношений власти и общества в России: история и современность

Учитывая невозможность подробно осветить данную проблему в рамках XX столетия, выделю два знаковых периода — 1905-1917 гг. и 1987-1993 гг., каждый из которых завершался сменой вектора общественного развития России. Осторожно относясь к разного рода историческим аналогиям, считаю, тем не менее, что периоды социальных разломов несут в себе нечто общее: они сублимируют в себе системообразующие элементы прошлого, настоящего и будущего. В рамках вышеобозначенных периодов власть и общество оказывались перед историческим выбором, образно говоря, каждый раз они вынуждены были сдавать экзамен на зрелость, беря на себя ответственность перед последующими поколениями. Несмотря на хронологический разрыв между двумя периодами и разные исторические ситуации,

перед экзаменуемыми вставал один и тот же вопрос — выбор национального пути развития, от ответа на который зависела дальнейшая судьба страны. Периодическая повторяемость данного вопроса в истории России обуславливается тем, что она все еще находится в состоянии поиска "своего будущего".

При естественном развитии социальных процессов каждая из двух сил — и власть, и общество — должны играть самостоятельную роль в формировании национального пути. При подавлении (или оттеснении) одной из этих сил и, соответственно, присвоении себе другой силой монопольного права определять судьбы страны нарушается система сдержек и противовесов и как следствие — деформируется процесс принятия стратегических решений.

В России взаимоотношения власти и общества испокон века строились на конфликтогенной основе, поскольку власть упорно стремилась навязать свою волю, рассматривала общество преимущественно как объект воздействия, а не как равноправный субъект совместного исторического творчества, общество же по мере сил сопротивлялось оказываемому на него давлению. Ни авторитарному, ни тоталитарному режимам так и не удалось найти оптимального решения проблемы взаимодействия с обществом. При всех различиях между двумя периодами сохранялась эта общая черта: отказ власти от партнерских отношений с обществом; ее стремление во что бы то ни стало удержать инициативу преобразований за собой; нежелание делиться с обществом властными полномочиями. Что же касается общества, то оно в основе своей оставалось традиционным, не имеющим собственных структур и механизмов, способных противостоять волюнтаристским действиям властей.

Зафиксированный в конструкции политической системы дисбаланс положения властных и общественных структур, исключавший диалоговые формы общения между ними, конструктивный обмен идеями, превращал процесс выбора социальных альтернатив в ожесточенное противоборство.

Власть, иницируя преобразования "сверху", как правило, не просчитывала их последствия, предпочитала действовать в "сжатом режиме" (хотя и постоянно запаздывала с объективно назревшими преобразованиями), без соответствующего кадрового и финансового обеспечения, уповая на силу исполнительных структур, с одной стороны, и политическую инертность общества — с другой. В рамках отмеченных периодов Россия в глазах власти служила некоей экспериментальной площадкой. В этой перманентной борьбе поневоле отбрасывались умеренные, сбалансированные решения, рассчитанные на длительный период преобразований, на первый план выходили радикальные варианты преодоления накопившихся проблем в ускоренном режиме и, соответственно, радикальные способы и методы осуществления обновления. Примечательно, что это "историческое нетерпение" пронизывало как действия властей, так

и проекты, выдвигаемые различными общественными течениями. Пожалуй, единственное, что роднило власть и общество, — это стремление одним махом, "скачком", "прерывом постепенности" разрешить все проблемы, не считаясь с "ценой" их возможных последствий. Однако и эта черта не могла служить основой соглашения, так как общество оставалось бесправным, лишенным доступа к принятию жизненно важных решений. В итоге создавался порочный круг, в котором противодействующие друг другу силы затрудняли (если не блокировали вообще) выбор национального пути развития России, способствуя тем самым вытеснению ее на периферию общественного прогресса.

В 1905-1917 гг. Россия имела вполне реальный шанс мирного разрешения накопившихся острых проблем, если бы власти и обществу удалось найти общий язык друг с другом и совместными усилиями вывести страну из системного кризиса. На протяжении пореформенного периода в России шел процесс формирования элементов рыночной экономики, она (хотя и медленно) становилась составной частью мирового народнохозяйственного комплекса; обозначились контуры гражданского общества и правового государства. Однако авторитарному режиму так и не удалось ликвидировать "ножницы" между новыми явлениями в экономике, социальной сфере и реликтовой политической системой. Боязнь утраты неограниченной самодержавной власти оказалась намного сильнее логики объективного хода исторического развития страны. Лишь под непосредственным давлением первой русской революции 1905 г. авторитарный режим был вынужден пойти на половинчатые, а главное неискренние реформы политической системы, которые рано или поздно должны были сыграть (и сыграли) роль бумеранга, уничтожившего в конечном счете 300-летнюю романовскую монархию, развалившего Российскую империю, что явилось следствием установления в стране на несколько десятилетий тоталитарного режима со всеми вытекающими последствиями.

Между тем авторитарный режим имел вполне реальные возможности коренным образом изменить ситуацию в стране, реализовать системные реформы, разработанные представителями либеральной бюрократии, и найти на этой основе консенсус с обществом. Достаточно было провести последовательную реформу политической системы: гарантировать гражданские и политические права, реально осуществить разделение властей, сформировать ответственное министерство, которое должно было реализовать пакет экономических и социальных преобразований, направленных на улучшение положения большинства населения страны. Вместо этого Николай II продолжал, вплоть до октября 1905 г., судорожно цепляться за неограниченную власть, игнорируя требования общества. Только под давлением революционного народа и страха за

судьбу династии царь издал Манифест 17 октября 1905 г., в котором декларировались гражданские и политические свободы, расширялся круг избирателей, а Государственной Думе гарантировались законодательные права. Неискренность этой вынужденной уступки Николая II была очевидна для широких общественных кругов, которые требовали правовых гарантий, законодательного оформления своих прав и свобод, реальных прав представительной власти. Однако авторитарный режим, делавший ставку на насильственные методы прекращения революции, воздерживался от оценки Манифеста 17 октября 1905 г. как конституционного акта, ограничившись описанием нового строя как представительного, без указания на его конституционное содержание.

В создавшейся экстремальной и неконтролируемой властями политической ситуации манифест представлялся единственным выходом для спасения режима, и Николай II был вынужден воспользоваться этим шансом. Вслед за манифестом последовали другие меры: Николай II согласился на создание объединенного правительства во главе с премьер-министром С.Ю.Витте, исключение из императорского титула слова "неограниченный" в новой редакции Основных законов 1906 г., правда, заявив при этом, что "следует только слово исключить, а власть сохранить". В результате бурных дебатов власть царя определялась теперь в Основных законах как самодержавная, хотя и ограниченная. Основные законы сохранили за царем ряд приоритетных прав: глава государства, главнокомандующий армией и флотом, глава исполнительной власти. Одновременно Основные законы урезали права народного представительства: Дума не имела права почина пересмотра Основных законов, ограничивались ее бюджетные права. Царь же сохранял за собой право созыва и роспуска народного представительства, право издания (по ст. 87) указов в промежутке между думскими сессиями.

Но главное, разумеется, заключалось не в юридических тонкостях и хитросплетениях, а в неготовности исполнительной власти во главе с царем следовать букве и духу принятых законов. Именно здесь и начинались коллизии. Прежде всего важно понять, как исполнительная власть трактовала Манифест 17 октября 1905 г., Положение об учреждении Государственной Думы и Государственного совета, Основные законы 1906 г. и другие акты, направленные на реформирование политической системы. Следует учитывать, что эта трактовка не оставалась неизменной и в своей эволюции зависела от той или иной ситуации, от соотношения общественно-политических сил. В 1905 г. Николай II, подписывая Манифест 17 октября, заявил: "России даруется конституция". В 1909 г. он уже заговорил о желании превратить Думу в законосовещательный орган; в 1913 г. еще раз "подправил" свои оценки: "При отсутствии у нас конституции Дума есть

полная бессмыслица"; в 1914 г. он предложил вообще ликвидировать законодательный статус Думы¹.

Чутко улавливая смену умонастроений и пристрастий Николая II, свои представления корректировали премьер-министры и другие представители исполнительной власти. В связи с этим заслуживает внимания эволюция суждений П.А.Столыпина и В.Н.Кокцовца. Выступая 6 марта 1907 г. в Государственной Думе с программной речью, П.А.Столыпин отметил, что "преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое". Акцентируя внимание на том, что Россия переживает "время великого исторического перелома", "время переустройства всех государственных законодательных устоев", П.А.Столыпин с особой силой подчеркнул, что только "власть есть хранительница государственности и цельности русского народа"². В последующих выступлениях в III Думе Столыпин разъяснил свое понимание "правового строя". "Строй, в котором мы живем, — говорил он 16 ноября 1907 г., — это строй представительный, дарованный самодержавным монархом, а, следовательно, обязательный для всех его подданных". При этом он счел необходимым заметить, что формирующийся "правовой уклад" наиболее адекватно соответствует "русскому народному сознанию" и что "нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок"³. Под "цветком" Столыпин подразумевал конституцию. Через год с небольшим из политического лексикона Столыпина уже навсегда исчезли термины "правовое государство", "правовой уклад", а основной упор был сделан на необходимость укрепления институтов исполнительной власти. "Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей"⁴.

Преемник П.А.Столыпина на посту премьер-министра В.Н.Кокцов еще в 1908 г. определил суть политической системы в 1905-1906 гг. следующим образом: "У нас введен действительно конституционный образ правления, но парламента у нас еще нет". Выступая в Думе, В.Н.Кокцов выразил эту мысль в афористичной форме: "У нас, слава Богу, нет еще парламента". Судя по его воспоминаниям, данная фраза, вызвавшая бурю возмущения со стороны оппозиционных депутатов, понравилась Столыпину. "Столыпин, — писал Кокцов, — заявил мне, что не видит никакой бестактности в словах "у нас, слава Богу, нет парламента", так как в них он видит святую истину и считает, что прямой долг правитель-

¹ См.: Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996. С. 558-559.

² *Столыпин П.А.* Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991. С. 51, 53, 63.

³ Там же. С. 102-103, 107.

⁴ Там же. С. 103.

ства — бороться против всякого расширения, захватным порядком, Думой новых прав, не предусмотренных законом"¹. Николай II и его министры, крайне правые консервативные силы не только не разделяли конституционных идей, но и вели последовательную борьбу с теми, кто пытался прикреплять к "нашему русскому стволу чужеземный цветок".

Реформируя не существо, а прежде всего фасад архаичной политической системы, авторитарный режим выступал непримиримым противником парламентаризма с его идеей разделения властей. П.В.Струве был безусловно прав, заявляя, что в "правосознании фактически властвующих, правящих сил в России конституция еще не существует"². Парадокс политического развития России как раз и состоит в том, что с формально юридической точки зрения и манифест, и новая редакция Основных законов 1906 г. являлись конституционными актами, которые как таковые не воспринимались правосознанием правящих структур. Правосознание последних продолжало оставаться традиционалистским, признающим "незыблемость" исторической самодержавной власти и отрицающим необходимость реальных конституционных изменений, а тем более введение парламентарного строя. Поэтому говорить об установлении в России конституционно-парламентарного строя, по крайней мере, наивно. В конечном счете "хилый цветок", как А.И.Гучков образно назвал русскую конституцию, так и не прижился на суровой российской политической почве, а формально провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 г. гражданские и политические права и свободы так в полной мере и не стали реальностью.

Декларируя введение в политическую систему новых институтов — двухпалатного законодательного представительства, "историческая власть" приняла превентивные меры, чтобы предельно ограничить его права и функции. Буквально за четыре дня до открытия I Государственной Думы, 23 апреля 1906 г., была опубликована новая редакция Основных законов, лишивших народное представительство права пересмотра "царской конституции", поставивших массу барьеров на пути думского законотворчества. "В этом деле (имеется в виду порядок работы Государственной Думы. — *В.Ш.*), как, увы, во многих других, — вспоминал А.П.Извольский, — русская бюрократия проявила впоследствии отсутствие понимания не только психологии представительных собраний вообще, но даже своего собственного народа"³.

Согласившись на создание объединенного правительства, Николай II сохранил за собой полный контроль за назначением мини-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг.: В 2-х т. Париж, 1933. Т. 1. С. 307, 309.

² Струве П.В. Patriotica. Политика, культура, религия социализма. Сб. статей за пять лет (1905-1910 гг.). СПб., 1911. С. 272.

³ Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 157.

стров, всех высших административных лиц на центральном и региональном уровнях. Более того, создание объединенного правительства было продиктовано стремлением консолидировать силы для борьбы с народным представительством. В октябре 1905 г. Николай II под давлением перепутанных бюрократов санкционировал переговоры с рядом видных общественных деятелей либеральной ориентации об их возможном вхождении в состав объединенного правительства. Ведение переговоров было поручено С.Ю.Витте. Их ход продемонстрировал весьма скептическое отношение С.Ю.Витте к введению в стране конституционного режима. Более того, выяснилось, что С.Ю.Витте отрицательно воспринимал даже сам термин "конституция" и категорически отказывался публично высказаться по конституционным проблемам. А самое главное, он не думал спешить с претворением в жизнь тех деклараций, которые содержались в Манифесте 17 октября 1905 г. Одновременно С.Ю.Витте настаивал на включении в состав объединенного правительства такой одиозной фигуры, как П.Н.Дурново, предложив ему ключевой пост министра внутренних дел. "Дурново, — вспоминал А.П.Извольский, — являясь душой реакционной партии, получил возможность оказывать преимущественное влияние на императора, которому он с большой настоятельностью советовал уничтожить конституционную партию и восстановить прежнее авторитарное правительство"¹.

В свою очередь, либеральная оппозиция в лице партии кадетов потребовала от С.Ю.Витте немедленной реализации обещаний Манифеста 17 октября 1905 г., самым решительным образом высказалась против кандидатуры П.Н.Дурново. Однако Витте, прекрасно осведомленный о настроениях Николая II, отверг предложения либералов (амнистия, отмена Положения 1881 г. о чрезвычайной и усиленной охране на местах, созыв Учредительного собрания и т.п.), что, естественно, привело к срыву переговоров. Так был упущен вполне реальный шанс заключить компромисс между властью и обществом на основе Манифеста 17 октября 1905 г. Объединенный кабинет министров был сформирован исключительно из представителей бюрократии. "Странное сборище чиновников представлял из себя этот кабинет; они не были связаны ни общими интересами, ни общей программой, если исключить их антипатию к новому порядку вещей и, особенно, к принципу ответственного правительства"², — писал А.П.Извольский.

Таким образом, уже в самих сконструированных механизмах "обновленной" политической системы были заложены последующие конфликты царского правительства с Государственной Думой, которые не замедлили сказаться. Так, конфликт между правительством И.Л.Горемыкина и I Думой начался с первого дня ее работы

---

¹ Извольский А.П. Указ. соч. С. 23.

² Там же. С. 67.

и длился в течение 72 дней. 8 июля 1906 г. I Дума была распущена. II Дума просуществовала 104 дня и была распущена царем 3 июня 1907 г. По существу, в этот день был произведен государственный переворот, ибо с изданием указа о роспуске Думы был в одностороннем порядке издан новый избирательный закон, приведший к коренному изменению состава народного представительства, которое из оппозиционного превратилось в управляемое и послушное воле премьер-министра П.А.Столыпина. Хотя III Дума максимально способствовала прохождению правительственных законопроектов, тем не менее Столыпину все же не удалось наладить конструктивных взаимоотношений с обществом в целом. Несмотря на ощутимые позитивные сдвиги в области экономики, правительству так и не удалось синхронизировать их с соответствующими преобразованиями в других сферах общественно-политической жизни. Более того, достаточно определенно проявилась тенденция к постепенному свертыванию реформ, разработанных правительством в 1905-1906 гг. Прежде всего, был ощутим откат в реальном обеспечении гражданских прав и политических свобод, в деле дальнейшего реформирования политической системы; нежелание авторитарного режима управлять страной новыми цивилизованными методами, что вело к изоляции режима от общества, обрекая его тем самым на поражение. Николай II и его административно-бюрократический аппарат сделали все возможное для того, чтобы дискредитировать себя в глазах общественности, которая, однако, вплоть до февраля 1917 г. не отрицала возможности соглашения с властью, предлагала различные варианты для такого консенсуса. Между тем авторитарный режим упорно отказывался от поисков компромисса с обществом, считая, что сможет сохранить за собой историческую инициативу и самостоятельно найти выход из любой кризисной ситуации. Вместе с тем далеко не все общество, особенно его леворадикальный спектр, было готово к соглашению с властью. "Русские люди, — писал Струве, — менее чем кто-либо воспитаны в компромиссе и к компромиссу"¹. Для того чтобы компромисс состоялся, считал Струве, "и государство, и нация должны органически срастись". К сожалению, такого рода "сращения" в России не произошло. На соглашение с властью могло пойти лишь крайне небольшое меньшинство, которое так или иначе адаптировалось и к третьеиюньскому политическому режиму, рассчитывая на его медленную эволюцию в правовое государство, и к модернизационному процессу в экономике и социальной сфере. Однако подавляющая масса населения России была не удовлетворена политикой авторитарного режима, которому так и не удалось решить фундаментальную проблему — повысить "качество жизни" и удовлетворить быстро растущие потребности общества. Симптомы подспудно зреющего социального

---

¹Струве П.Б. Указ. соч. С. 26.

взрыва стали проявляться еще накануне первой мировой войны, а тяготы, связанные с войной, в свою очередь, способствовали нарастанию злобы и ненависти в "низах" не только к самодержавию, но и к господствующим классам в целом. Война еще в большей степени стимулировала "темные инстинкты толпы", которая становилась неуправляемой, стихийной силой, готовой на крайние меры.

Итогом усилившейся конфронтации власти и общества стала февральская революция 1917 г., свергнувшая в невиданно короткие сроки 300-летнюю романовскую династию. Инерционная сила массовой революционной стихии оказалась настолько велика, что Временному правительству не удалось направить ее в мирное, созидательное русло либерально-демократических преобразований.

Более того, компромиссная политика Временного правительства воспринималась массовым сознанием, веками воспитывавшемся в духе именно разрубания (а не распутывания) разного рода узлов, как господская, чуждая интересам большинства народа. В послефевральский период насилие продолжало оставаться основным методом разрешения противоречий "верхов" и "низов". Традиционное сознание масс, для которого правовые способы выхода из конфликтов были делом непривычным, оказались более восприимчивым к леворадикальной социалистической пропаганде, призывам к насильственному свержению Временного правительства, не сумевшего за сравнительно короткие сроки (тем более в экстремальной ситуации) провести системные либерально-демократические реформы, создать себе прочную социальную опору. В итоге стихия народного гнева, культивируемая и поощряемая леворадикалами, смела с политической сцены еще не окрепшую либеральную демократию, расчистив тем самым дорогу к тоталитарному режиму и монополии одной политической партии, которая в течение последующих 70 лет определяла вектор общественного развития России.

По логике вещей казалось, что новый политический режим должен был в той или иной степени усвоить опыт своего предшественника, осуществлять, по мере трансформации общества, собственное обновление. Однако историческая практика показывает, что политические режимы, претендующие на монополию власти, рано или поздно вступают в стадию стагнации, а затем и распада. Не удалось избежать этой исторической закономерности и коммунистическому режиму в СССР. Разумеется, данная закономерность в разных странах социалистического содружества проявлялась по-разному, а в некоторых странах, например в Китае, коммунистические режимы смогли не только удержать под контролем политическую ситуацию, но и успешно реализовать радикальные структурные реформы.

К сожалению, коммунистический режим в СССР, как в свое время и авторитарный режим в России, оказался не способным ни к адекватному восприятию вызовов современности, ни к самотрансформации под воздействием внутренних потребностей обществен-

ного развития. Питая иллюзию сохранения в своих руках исторической инициативы, коммунистический режим в лице своего последнего генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева попытался "сверху" инициировать ряд демократических реформ, вначале не затрагивающих ни существа, ни механизмов радикального обновления всей политической системы. Скорее декларируемые, чем с теоретической и правовой точек зрения проработанные, преобразования, стимулировав общественную инициативу, с самого начала стали пробуксовывать, блокируемые консервативными силами из партийного и государственного аппаратов, вызвав тем самым нарастающую критику в широких общественных кругах. Непоследовательность, а главное, неискренность в реализации реформы политической системы в СССР привели к нарастанию конфликта между властью и обществом. Причем само общество, по традиции, рассматривалось "верхами" скорее в качестве объекта воздействия, нежели реального субъекта и партнера по проведению назревших преобразований в стране.

Одновременно советское общество, как и в начале XX в., оказалось расколотым. Внутри него началась политическая конфронтация, выразившаяся, в частности, в создании чрезмерно разветвленной многопартийности, которая в совокупности представленных политических объединений многократно превышала объективно наличествующие альтернативы общественного развития. Все это свидетельствовало о том, что советское общество, несмотря на 70-летний "коммунистический эксперимент", продолжало оставаться традиционным. По существу, за это время сращения государства и нации в СССР так и не произошло: государство не стало правовым, а гражданское общество не сформировалось. Именно отсутствие такого сращения и обусловило нарастание конфликта между властью и политически активными элементами общества, претендующими на перераспределение властных функций и собственности. Утрачивая контроль над политической ситуацией в стране, М.С.Горбачев, хотел он того или нет, вынужден был пойти на не продуманные по своим последствиям акции, подрывающие авторитет властных структур центрального и регионального уровней. Попытка дезориентированных консервативных сил найти в августе 1991 г. выход из "пиковой ситуации" закончилась провалом.

"Бархатная" августовская революция 1991 г. положила начало смене вектора общественного развития СССР, а после его распада — России. С самого начала новая власть стала действовать авторитарными методами, проигнорировала волю большинства народа, высказанную на референдуме относительно сохранения СССР; реализовывала экономические и социальные реформы, противоречащие жизненным интересам большинства; проводила внешнюю политику, не соответствующую национальным интересам и безопасности России и т.д. Иными словами, власть сама создавала предпосылки и условия для усиления конфликтности и конфронтационности

в обществе, которые поначалу вылились в противостояние органов правопорядка и демонстрантов, а затем — в противостояние представительной и исполнительной ветвей власти, которое в октябре 1993 г. завершилось расстрелом Белого дома. По существу, в октябре 1993 г. в России произошел термидорианский переворот, результаты которого получили закрепление в Конституции РФ 1993 г. Неизвестно, были ли знакомы авторы проекта этой конституции с новой редакцией Основных законов 1906 г., но по основным существенным параметрам оба документа совпадают. Более того, тот и другой документы, отражающие различные состояния общественного развития России, выполняли одинаковую роль: блокировали естественный процесс демократизации в стране и, следовательно, повышали степень конфликтогенности в обществе.

Нельзя также не заметить, что посткоммунистическое общество, прошедшее через горнило тоталитарного режима, имело гораздо меньший демократический опыт, чем российское общество начала XX в. Превращение посткоммунистического общества из объекта воздействия в субъект политического процесса шло крайне медленно. Воспользовавшись политической неопытностью большинства российского электората, новая власть навязала обществу свои правила игры. Сосредоточив в своих руках необъятную власть, первый российский Президент, недавно ушедший досрочно в отставку, попытался взять инициативу демократических преобразований на себя, нередко игнорируя роль представительной ветви власти. По сути дела, в России не осуществлен один из важнейших принципов парламентаризма — четкое разделение функциональных ролей между ветвями власти. Существующая гипертрофия исполнительной власти, закрепленная в Конституции РФ 1993 г., не способствует оптимальному взаимодействию между основными ветвями власти, что создает предпосылки к политической нестабильности в обществе.

В свою очередь, российское общество продолжает оставаться политически индифферентным, несмотря на наличие огромного числа политических партий и движений. Не имея единой национальной идеологии, выражающей основной вектор общественного развития России на ближайшую перспективу, общественное сознание россиян продолжает оставаться максимально дифференцированным, отражающим не общенациональные, а "сегментальные" интересы отдельных социальных страт, профессиональных групп и индивидуумов. Не имея определенных представлений о перспективном общественном идеале, уверенности в завтрашнем дне, российское общество, разочаровавшись в дееспособности исполнительной и представительной ветвей власти, пребывает в состоянии раскола, что чревато разного рода непредсказуемыми последствиями.

Вековой опыт конфронтационной борьбы между властью и обществом в России показывает, что в этих условиях выработка единой общенациональной политики, отражающей и выражающей на-

циональные интересы страны, практически невозможна. Различные политические силы продолжают интерпретировать проблему национальных интересов под углом своих мировоззренческих представлений, проявляя при этом довольно слабый интерес к диалогу друг с другом — жизненно актуальному в современных условиях. Главная причина подобной ситуации состоит прежде всего в том, что в России так и не сформировалось гражданское общество и правовое государство, органическое взаимодействие которых позволило бы выработать общую идеологию национальных интересов.